

XI. Лондонская конференции (17-23 сентября 1871 года)

Лондонская конференция Интернационала проходила с 17 до 23 сентября 1871 года. Она состояла из 23 члено - 6 делегатов от Бельгийских секций, 2 делегатов от Швейцарских, 1 делегата от Испанских, тринадцать членов Главного Совета и одного неизвестного без мандата. Два делегата от швейцарских секций были Утин и Перре, получившие мандаты - первый от женевской немецкой секции, а второй от женевского федерального комитета.

В числе тринадцати членов Главного Комитета мы видим самого Маркса, его друга Энгельса, Эккариуса, Галя, Роша, Кова, Зябицкого и Юнга. Тринадцать членов Главного Комитета, не имевшие никаких мандатов и не представлявшие никакие секции, составляли между тем *большинство* конференции и поэтому могли проводить все свои постановления.

Что произошло па конференции мы можем узнать от правдивого свидетеля, члена Главного Совета, Робена, который присутствовал на нескольких её заседаниях.

«Я не буду рассказывать, говорит Робен, о приготовлениях Совета к конференции. За дальним расстоянием и по семейным обстоятельствам я не мог в это время аккуратно посещать заседания Совета. Я был лишь на одном заседании Совета, на котором Маркс запугивал членов Совета французскими шпионами и настаивал, чтобы на конференцию не допускать ни одного французского коммунара... Наконец, наступил день открытия конференции; место конференции и время её заседаний было известно лишь членам; это делалось под предлогом того, чтобы о конференции не узнала полиция, но, в действительности, организаторы конференции боялись, что на неё могут явиться в качестве публики члены Интернационала и могут контролировать слова и речи ораторов...

Перед открытием первого заседания разыгрался маленький инцидент, который, однако, показал весь характер этой конференции. Открытие конференции было назначено в пять часов. К этому времени все члены были уже на лицо. Но с открытием почему-то медлили. Маркс, сильно озабоченный, бегал от одного своего лейтенанта к другому и несколько раз куда-то исчезал из зала заседаний. Членам начинало уже надоедать бесцельное сидение и я, в один из моментов, когда Маркс вышел, предложил собранию выбрать председателя и начать работу, председателем я предложил Юнга. Я видел, что моё предложение удивило многих своей смелостью; кто-то произнёс слово «временно»; предложение было поставлено

на голосование и большинство членов голосовало за то, чтобы Юнг был «временно» председателем собрания, Эккариус голосовал против. Юнг стал отказываться от председательства, члены стали настаивать, в зале поднялся шум. Этот шум заставил Маркса торопливо вернуться в зал вместе с Энгельсом, который тотчас же поспешил предложить собранию избрать председателя. На моё замечание, что председателем уже избран Юнг, Энгельс, со своей стороны сказал, что и он предлагает Юнга, и, хотя Юнг был уже избран, собрание снова ещё раз проголосовало, и за Юнга на этот раз поднял руку и Эккариус.

Первые сеансы конференции прошли в выслушивании речей Утина. Не разрешив ни одного вопроса, конференция постановила избрать комиссии, в которые вошли Маркс и его друзья. Затем Маркс прочитал свой проект работ, составленный совместно с Энгельсом и одобренный Главным Советом. Из всего было ясно видно, что вся конференция и её занятия должна иметь главной своей целью уничтожение личных врагов Маркса – Бакунина, Гильома и компанию. Однако, хотя Маркс и был уверен, что конференция состоит почти вся из его сторонников, он, тем не менее боялся некоторых иностранных делегатов, которые по своей наивности могли задать нескромные вопросы. Чтобы избежать этого, Маркс предложил, чтобы конференция *не вотиrowала в окончательном виде ни одной резолюции*; но, чтобы голосовала свои постановления лишь *в общем смысле*, предоставив Главному Совету *окончательную редакцию постановлений*. Благодаря такому смелому приёму господ из Главного Совета могли затем опубликовать всё что им будет угодно под названием «Постановлений Конференции».

На одном из заседаний разбирался вопрос о расколе между швейцарскими секциями. Докладчиком по этому делу был Утин. В своём докладе Утин возвёл целую гору обвинений против своих противников и в грубых словах характеризовал их. Когда после его доклада поднялся вопрос о передаче дела о расколе среди швейцарских секций в особую комиссию, то Утин заявил, что председателем этой комиссии должен быть Маркс. На это заявление я заметил, что в комиссию должны войти люди совершенно непричастные к конфликту и не заинтересованные. Утин возмутился моим замечанием, а Маркс стал отказываться от участия в комиссии. Однако, по настойчивой просьбе большинства, он соглашается, в конце концов, принять участие в комиссии. В эту комиссию выбрали ещё верного слугу Маркса Эккариуса, одного молчаливого ирландца, незадолго перед этим ставшего членом Интернационала, одного француза и одного бельгийца.

Комиссия избрала, вероятно ради беспристрастия, местом своих заседаний салон Маркса. Приглашённый туда, как свидетель, в восемь часов вечера, я с большой неохотой отправился на квартиру Маркса. Моя квартира находилась на расстоянии двух часов ходьбы от квартиры Маркса, почему, я, придя на заседание комиссии, заявил, что ввиду дальности расстояния я должен буду уйти в десять часов. Несмотря на моё заявление и несмотря на то, что заседание было назначено в восемь часов и все члены были в сборе, заседание открылось лишь в девять часов с половиной. С восьми до половины десятого комиссия пила чай, за которым присутствовали дочери Маркса, которые остались и на заседании комиссии. Наконец, приступили к выбору председателя. Секретарем был назначен Энгельс, хотя он и не состоял членом комиссии. Наш гостеприимный хозяин, беспристрастный судья, изложил дело о расколе среди швейцарских секций, причём дело изложено было так, что можно

было подумать, что это обвинительный акт против юрских секции.

В заключение Маркс, бывший в одно и то же время свидетелем, обвинителем и судьёй по этому делу, сделал вывод, что раскол имел своей первой причиной нападки членов Альянса в статьях, напечатанных в «Прогрессе» и «Равенстве», направленных против Главного Совета, неодобрение этих статей женевскими интернационалистами и *переизбрание* (sic) редакционного Комитета Романским Федеральным Советом.

После прочтения доклада Маркса я взял слово, потому что я думал, что благодаря присутствию других беспристрастных судей мои лояльные заявления могут уладить конфликт; я рассказал об истинной причине отставки редакционного Комитета газеты «Равенство» и я прочитал протест юрских секций против всякого суда при отсутствии обвиняемых. Я прибавил ещё, что, со своей стороны, я нахожу, в противоположность моим швейцарским друзьям, что Конференция имеет право, обязанность и власть разрешить вполне этот вопрос и всех примирить – признав, что обе части Романской Федерации имеют одинаковое право на существование и что в будущем Главный Совет войдет в регулярные сношения как с той, так и с другой. Я добавил, что высказывать своё порицание и осуждение той или иной части Романской Федерации Конференция не имеет никакого права, так как одна половина Федерации *не приглашена на разбор её дела*.

Перре, делегат от женевского Комитета был удивлен моим заявлением и спросил Юнга правда ли, что юрским секциям не было послано приглашение прибыть на Конференцию.

Юнг, вместо того, чтобы ответить на этот вопрос, стал снова рассказывать старую историю о том, как он послал письмо Гильому и как тот ничего на него не ответил...

Между тем я должен был покинуть заседание, так как время было уже позднее. Но, прежде чем уйти с заседания, я стал настаивать, чтобы комиссия сказала мне сейчас же, что она не будет выносить окончательного решения по вопросу о расколе среди швейцарских секций; после некоторых колебаний мне дали в этом слово.

После этого я встал, собираясь уходить, но меня стали удерживать. Я категорически заявил, что мне необходимо уйти, тем более, что я сказал уже всё, что я мог сказать по делу швейцарских секций.

Тогда Утин вдруг мне сказал, что он считает и меня в числе обвиняемых.

На это я, уже уходя, ответил Утину, что я с презрением отношусь к его обвинению.

Само собой понятно, что было бы противно человеческому достоинству оставаться и играть неблагоприятную роль во всей этой комедии и, кроме этого, быть неизвестно кем, не то свидетелем, не то обвиняемым перед этим трибуналом, который совершенно не считался с какими бы то ни было требованиями законности и правосудия.

Вследствие этого я написал и передал одному своему другу записку, которую я просил прочитать на заседании Комиссии в случае, если меня захотят вновь пригласить на допрос. Записка эта была следующего содержания:

Призванный как свидетель по делу о расколе среди швейцарских секций Комиссией, которой было поручено разбор этого дела, я согласился дать ей свои показания в надежде, что этим самым я буду способствовать улаживанию конфликта. Но, получив обвинение, что я являюсь непосредственным участником в этом деле, я заявляю, что я не хочу играть роль обвиняемого и поэтому отказываюсь присутствовать на заседаниях Комиссии по делу о швейцарских секциях.

19 сентября 1871 г.

П. Робен».

В ответ на это 26-го сентября Робен получил следующее письмо:

«Гражданин! Ваше письмо Конференция считает оскорбительным для себя и постановила на заседании своём 22 сентября потребовать от Вас, чтобы Вы взяли своё письмо обратно. В случае отказа с вашей стороны сделать это, дело будет передано на рассмотрение Главного Совета».

В тот же день вечером, на заседании Главного Совета Робен сделал словесное заявление, а затем написал письмо, где он просил внести поправку в своё письмо от 19-го сентября; письмо было следующего содержания:

«Гражданину Серайэ (Председателю Комиссии). В ответ на Ваше письмо от сего числа, я сделал заявление в Главном Совете сделать поправку в моём письме от 19-го сентября; эта поправка покажет, что Конференция плохо поняла меня. К фразе – «получив обвинение, что я являюсь непосредственным участником в расколе», я прибавляю: получив обвинение *от одного свидетеля в Комиссии*, что я... и т. д. Взять своё письмо обратно я совершенно отказываюсь.

П. Робен»

Члены Главного Совета ознакомившись с содержанием второго письма Робена, ничего не ответили, лишь один Маркс взял слово и в горячей речи стал говорить, что Робен нанёс оскорбление его другу Утину в его, Маркса, квартире, и что поступок Робена показывает, что он смотрит на Конференцию как на фарс (!). После этой речи послушное собрание постановило отложить разбор дела до следующего заседания

Спустя несколько недель Робен узнал, что он считается выбывшим из состава Главного Совета. Он тотчас же поспешил в Главный Совет. «Председатель Энгельс, пишет Робен в своей записке, объявил, что я, действительно, считаюсь выбывшим из Совета. Я ответил, что я не подавал прошения об отставке, на каком же основании меня исключили из Совета?

После полуторачасового спора мне было объявлено, что Совет не будет менять своего постановления о моём исключении... Тогда я заявил, что так как я считаю, что *отставка* может быть дана в случае просьбы самого члена, таковой же я не подавал и подавать не хочу, то я уйду из Совета лишь только в том случае, когда меня *выгонят* силой. Пусть Совет имеет смелость исполнять те решения, которые он принимает. Это заявление вызывает новые споры среди членов Совета. Энгельс излагает мою мысль и предлагает поставить на голосование вопрос о моём исключении»...

24-го октября 1871 года Робен послал в Главный Совет письмо следующего содержания:

«Генеральному Секретарю Главного Совета М. Т. Р.

Согласно обычаю, который мне кажется очень благоразумным, всякий трибунал посылает осуждённому им копию своего приговора. Я удивлён, что до сих пор я не получил никакого официального объяснения о моём исключении из Главного Совета М. Т. Р., я думаю, что это произошло просто по случайной забывчивости и, я надеюсь, что вы будете любезны немедленно исправить свою ошибку.

Ваш слуга П. Робен»

В ответ на это письмо Робен получил следующее письмо:

«Международное Товарищество Рабочих.

26-го октября 1871 г.

Милостивый Государь! Так как согласно *английским обычаям* копии судебных протоколов никогда не посылаются, как этого хотите вы, я советовался по этому поводу с Советом, и он решил, что я не должен исполнять вашу просьбу. Я очень сожалею, что я должен отказать Вам в вашей просьбе.

Остаюсь вашим покорным слугою

Джон Хэльс».

Ко всему этому инциденту прибавить нечего. Он показывает очень красноречиво отношение кружка марксистов, захвативших в свои руки Главный Совет, ко всем инакомыслящим. Этот инцидент с Робеном многое может объяснить и дальнейшие акты Главного Совета, о которых мы будем говорить в следующих главах. Теперь же вернемся снова к Конференции.

Но, прежде чем говорить о работах Конференции и её резолюциях мы приведём выдержку из воспоминаний делегата испанских секций, Ансельмо Лоренсо, о том впечатлении, какое у

него осталось от знакомства с Марксом и от самой Конференции. Из рассказа Лоренсо мы видим, что насколько Маркс ненавидел своих противников, настолько он был мал и любезен с теми, кого хотел привлечь в свой лагерь. Вот что рассказывает Лоренсо о своём знакомстве с Марксом:

«По приезде в Лондон, я поехал на извозчике по данному мне адресу. Вскоре извозчик остановился около одного дома я позвонил; на звонок вышел почтенный старец, который стоя в двери и освещаемый прямо в лицо светом фонаря, казался каким-то патриархом. Я робко и с уважением подошёл к нему и отрекомендовался как делегат испанской федерации Интернационала; старец обнял меня, поцеловал в лоб и стал говорить по-испански слова приветствия и просил меня войти в дом. Это был Карл Маркс...

На следующий день Маркс проводил меня в помещение Главного Совета. У входа в Совет я встретил француза Бастелика, уже знакомого мне по конгрессу в Барселоне. Бастелика принял меня с распростёртыми объятиями и представил своим коллегам; фамилии некоторых были мне уже знакомы по Интернационалу. Здесь были Эккариус, Юнг, Джон Эльс, Серайэ, Вальян, член Парижской Коммуны и др. Маркс представил меня Энгельсу, который пригласил меня к себе жить во время моего пребывания в Лондоне. В зале заседаний я встретил бельгийских делегатов с Сезаром де Папом во главе, несколько французов и швейцарского делегата Перре и увидел несимпатичную и отвратительную фигуру Утина, который считал как своей специальной целью разжигать ненависть и страсти, оставаясь совершенно чуждым великому идеалу, который воодушевлял нас, представителей рабочих интернационалистов.

О неделе, проведенной мною в Лондоне на Конференции, у меня остались самые печальные воспоминания. Всё виденное и слышанное здесь произвело на меня удручающее впечатление. Я надеялся встретить здесь великих мыслителей, геройских защитников рабочего дела, пропагандистов-энтузиастов, предтеч и апостолов нового перерожденного Революцией общества, где будет царить справедливость и счастье; вместо всего этого я встретил глубокую злобу и ужасные распри, царившие между теми, которые должны были быть объединены единой волей чтобы достичь скорее общей цели...

Я вынес убеждение, что вся цель созыва Конференции заключалась только в том, чтобы утвердить господство в Интернационале присутствовавшего на Конференции Карла Маркса в противовес Бакунину, который отсутствовал на Конференции и который будто бы тоже стремился к господству в Международном Товариществе Рабочих.

Чтобы достигнуть этой цели, те, кто был в этом заинтересован, составили целый обвинительный акт против Бакунина и Альянса социалистической демократии, снабженный оправдательными документами, перечислением преступных дел, действительность и верность которых никто, однако, категорически не мог доказать. Обвинение Бакунина поддерживалось только одним Утиным, который не скупился на выбор слов, чтобы втоптать в грязь своих врагов. Обвиняющая сторона была тем более смела, что присутствующий член Альянса выслушивал обвинение с полным молчанием или же ограничивался робкими извинениями[72]. Но, разбирательство швейцарского вопроса на Конференции, всё-таки

более или менее было обставлено известными формами приличия, но в самой комиссии по этому делу обвинители не считались ни с чем и давали полный простор своей злобе. Я присутствовал на одном из заседаний этой комиссии в квартире Маркса и я воочию убедился до чего может унизиться великий человек. После этого заседания Маркс сошёл для меня с того пьедестала, на который он был вознесён моим уважением к нему; его сторонники и друзья своим поведением перед Марксом напоминали мне льстивых и преданных лакеев, стремящихся исполнить всякий хозяйский каприз...

Я возвратился в Испанию разочарованным, убедившись, что наш идеал очень далёк от действительности и что многие из его пропагандистов являются скорее его врагами, чем друзьями»[73] 2).

Выше мы уже сказали, что, по настоянию Маркса, Конференция не вотировала своих постановлений, а поручила составить резолюции особой комиссии, в которую вошли члены Главного Совета во главе с Марксом. Эта комиссия уже после Конференции составила 17 резолюции, которые были изданы отдельной брошюрой под заглавием: *«Постановления делегатов (!) Конференции Интернационала, происходившей в Лондоне от 17 до 23 сентября 1871 года»*. Вот наиболее характерная из этих резолюций:

«О политической деятельности рабочего класса.

На основании устава Интернационала, где сказано, что «экономическое освобождение рабочих является великой целью, которой всякое движение политическое должно быть подчинено *как средство*».

На основании «Вступительного Манифеста» Интернационала, в котором сказано: «Обладатели земли и капиталисты будут всегда употреблять свои политические привилегии для того, чтобы защищать и увеличить свои экономические привилегии... (вследствие этого) завоевание политической власти является первой обязанностью рабочего класса».

На основании резолюции Лозаннского конгресса Интернационала в 1867 году, где сказано, что «социальное освобождение рабочих неотделимо от их освобождения политического...»

Принимая во внимание, что неверные переводы основного устава дали возможность ложного толкования и что эти ложные толкования наносят вред развитию и деятельности Интернационала ...

Принимая во внимание, кроме того:

Что против коллективной власти господствующих классов пролетариат может действовать как класс только в том случае, если он образует отдельную политическую партию, противоположную всем прежним партиям, созданным господствующими классами;

Что это объединение пролетариата в политическую партию необходимо, чтобы обеспечить торжество социальной революции и её конечной цели – *уничтожение классов*;

Что коалиция рабочих сил уже достигнутая благодаря экономической борьбе должна также служить рычагом для рабочих масс в их борьбе против политической власти своих эксплуататоров;

Конференция напоминает членам Интернационала следующее:

Что в периоде борьбы экономическое движение рабочего класса и его политическая деятельность неразрывно связаны друг с другом».

«Резолюция по вопросу об „Альянсе социалистической демократии».

Принимая во внимание:

Что Альянс социалистической демократии объявил себя распущенным;

Что в своём заседании 18-го сентября Конференция постановила, чтобы все существующие организации, входящие в Интернационал, согласно общему уставу, отныне назывались исключительно лишь секциями, отделами и т. п. и что, следовательно, этим самым запрещается различным группам, примыкающим к Интернационалу принимать названия сект, как, например, групп мютюэлистов, позитивистов, коллективистов, коммунистов и т. д.;

Что более не допускается никакому отделу или обществу уже принятому в Интернационал, образовывать сепаратистскую группу под именем «секция пропаганды», «Альянс социалистической демократии» и т. д., и задаваться специальными целями помимо общей цели, преследуемой борющимися пролетарскими массами, объединёнными в Интернационале:

Что в будущем Главный Совет Интернационала должен истолковывать и проводить на практике постановление Базельского конгресса, гласящее: «Главный Совет имеет право принять или отказать в приёме в Интернационал всякому новому обществу или группе, предоставляя право апелляции Конгрессу»;

Конференция объявляет вопрос об Альянсе социалистической демократии исчерпанным».

После этой резолюции, казалось бы, борьба против Бакунина и его последователей должна была прекратиться. Но, в действительности, мы увидим обратное в следующих главах расскажем о том походе, который предпринял Маркс с компанией против Бакунина, и который закончился исключением Бакунина из Интернационала, что, в свою очередь, повлекло за собой распад всего Интернационала.

Что вопрос об Альянсе не переставал и после этой резолюции беспокоить Маркса и его друзей, видно из того, что Конференция поручала Утину установить связь между Альянсом и

так называемым «Нечаевским делом». Конференция просила Утина собрать подробные сведения о деятельности Нечаева и напечатать в газете «Равенство» отчёт по делу Нечаева, сообщив его предварительно Главному Совету. Всё это было сделано с единственной целью, чтобы оклеветать Бакунина и уронить его во мнении рабочих масс; хотя Маркс и Утин отлично знали, что Бакунин ещё в 1869 году порвал с Нечаевым и относился к нему крайне отрицательно.

Но, это не помешало, однако, Утину сделать историю Нечаевского дела почти историей самого Альянса социалистической демократии и тесно связать деятельность Бакунина с деятельностью Нечаева. Гнусная ложь Утина была повторена самим Марксом в его брошюре «Альянс социалистической демократии и Интернационал».

Что касается до вопроса по делу о расколе в Романской Федерации, то Конференция вынесла по этому вопросу очень длинную резолюцию, в которой говорилось, что Конференция имеет полное право разрешить вопрос в окончательном смысле. Конференция решительно отказалась признать Федеральный Комитет в Шо-де-Фоне или в Сент-Имье, куда он был переведён в 1871 году так как считала настоящим представителем Романской Федерации только Комитет в Женеве, за которым шло меньшинство швейцарских секций.

Вместе с этим Конференция советовала юрским рабочим интернационалистам примкнуть к женевским секциям, если же это окажется неисполнимым, то в таком случае Конференция разрешает секциям образовать новую федерацию под наименованием «Юрской Федерации Интернационала».

Версия #2

██████████ ██████████ создал 22 июня 2025 00:21:43

██████████ ██████████ обновил 24 августа 2025 19:14:14